

Давно было замечено, что ко всем своим затеям сюрреалисты (80-летие их первого манифеста бы-

Жили-были четыре маленьких кролика, и звали их Флопси, Мопси, Ватный Хвостик и Питер...»

совидных древнеегипетских символов.

Над переводом работали Ричард Паркинсон, музейный эксперт, и Джон Нанн, увлеченный Египтом

Здесь: свежесвыбрит испанский режиссер Луис Бунюэль; Макс Эрнст с друзьями; Марсель Дюамель в шляпе и без

ло недавно отмечено) относились по-детски серьезно. Они верили в случайное, в совпадения, в сны наяву, во все, что выходит за пределы нормы...

В 1928 году на парижских улицах появились первые автоматы, позволявшие получить фотографию на паспорт. Лидер движения сюрреалистов Андре Бретон устраивает из серьезного дела забаву. Он учит своих друзей, как надо позировать, — прежде всего глазами; так возникнет смешанная «сюрреальность»: «всевластная греза» и «бодрая действительность».

Кое-что из их гримасничанья (около семидесяти фотополосок) сохранилось и было выставлено в одной из лондонских галерей. Можно было полюбоваться и даже купить отпечатки.

Одна из самых знаменитых детских книг, «Сказки о кролике Питере» Беатрикс Поттер, вышедшая впервые более ста лет назад, в 1902 году, и переведенная к настоящему времени на 35 языков, записана теперь древнеегипетскими иероглифами — на языке Среднего царства (XXI–XVI века до нашей эры).

В Британском музее хранятся ранние изображения сестры Питера Флопси и к тому же он располагает ведущими специалистами по иероглифике. Сочетанием этих двух обстоятельств пресс-секретарь музея с присущим британцам особым чувством юмора и объяснил, почему именно здесь взялись за решение столь неожиданной задачи — выразить образ озорного кролика в квадратных, полукруглых и эллип-

медик. Им пришлось преодолеть немалые трудности. О языке Среднего царства известно не так уж много, да и литературные традиции того времени и Англии вековой давности были весьма различными. А как быть с реалиями поттеровской сказки, с ее ландшафтами и животным миром? У древних египтян не было слов для обозначения ежевики или крыжовника, черной смородины или картошки...

— Слова Беатрикс Поттер иногда не выразишь на древнеегипетском, — пишут переводчики в предисловии. — Дошедшие до нас тексты не содержат подходящих примеров для передачи разговорных фраз вроде «Теперь беги и не озорничай!».

Книга должна выйти в апреле. *Здесь вы видите ее первую страницу:* «Жили-были четыре маленьких кролика...»

Марле Олмстед из Бингемтона, штат Нью-Йорк, всего четыре года, но ее картины, сообщает Би-би-си, уже выставляются в лучших галереях и бойко покупаются любителями живописи во всем мире. Художественные критики даже сравнивают картины Марлы с работами Джексона Поллока и Василия Кандинского.

Марла увлеклась живописью, когда ей было всего два года. Произошло это скорее случайно. Ее отец Марк, сам художник-любитель, дал

панорама

ей краски и кисточки, чтобы она просто не мешала ему писать портрет жены. Удивительно, Марла сопротивляться не стала, а рьяно взялась за дело.

Многие видят в работах Марлы влияние Кандинского и Поллока

Эту свою работу маленькая художница окрестила «Аквариумом»

А на этой она изобразила динозавра

Работая, юная художница пускает в ход не только кисточку и пальцы, но и любые подходящие предметы, вплоть до бутылок из-под кетчупа. Она любит рисовать картины больших размеров — два на два метра.

Работы Марлы пользуются невиданным успехом. 25 ее картин уже были проданы на общую сумму в 40 тысяч долларов. «Теперь уже я ее ассистент, я держу ей кисточки. Она не задумывается о том, что многим художникам приходится ждать гораздо дольше, пока у них появится ассистент», — шутит Марк. По его словам, со временем работы дочери становятся все более зрелыми: «Она развивает технику рисунка и умение держать кисть. Сейчас она рисует более осознанно».

Энтони Брунелли, владелец одной из нью-йоркских галерей, в которой только что прошла выставка картин Марлы, считает, что ее работы уникальны для ребенка и каждая следующая лучше предыдущей. Впрочем, предсказать ее художественное будущее он не берется.

Сама Марла от интервью с Би-би-си скромно отказалась.

В Москве, в галерее «Стелла Арт», прошла персональная выставка Ильи и Эмили Кабаковых «Мы свободны!».

Старшее поколение наших читателей в шестидесятых были знакомы с Ильей Кабаковым как с одним из самых плодовитых иллюстрато-

сделаны из пластика). В сознании зрителя возникает метафора мухи: мухи, как известно, летают в разных направлениях, свободно и хаотически, но здесь они располагаются в отчетливом, принудительном порядке, только так, чтобы громко и четко объявить, что «они свободны!».

А здесь вы видите фрагменты инсталляции, занимавшей в экспо-

ров детских книжек. Кто бы мог тогда предположить, что он войдет в число самых именитых художников мира?

Листы его альбомов 70-х (с полетевшим Комаровым, в-окно-глядящим Архиповым или в-шкафу-сидящим Примаковым); картины 80-х (такие, как жуткий «График выноса мусорного ведра» или издевательская «Запись на Джоконду»), на которых, собственно, и нарисовано-то ничего не было: сюжет описывался рядами слов; инсталляции 90-х... Наш зритель мог знакомиться со всем этим лишь заочно. Ни до конца 80-х, когда Кабаков уехал на Запад, ни позже выставок его в России не было, и только в прошлом году в Эрмитаже и в Третьяковке прошли его первые экспозиции.

Теперь вот вместе с женой и постоянным соавтором в последние годы Эмилией Кабаковой художник показал в Москве несколько инсталляций и картин, ни разу у нас не выставившихся. Почему «Мы свободны!»? Это по названию одной из работ серии «Лозунги». Автор поясняет: «Зритель может видеть надпись на стене — «Мы свободны!», написанную тонкой черной линией. Но, приближаясь, он неожиданно обнаруживает, что эта надпись образована из множества мух, сидящих на стене (мухи, конечно, искусственные, они

зиции центральное место, — «Догоняющий зайца». Инсталляция состоит из двух алюминиевых скульптур, расположенных на зеленом ковровом покрытии. Кабаков пишет о ней: «Парк Горького. 50-е годы. Помните, там стояло множество гипсовых скульптур: пловцов, конькобежцев, метателей дисков? Все они стояли на пьедесталах. Я вспоминаю, что однажды, проходя мимо них, я увидел такого белого конькобежца, лежащего в траве (его свалили хулиганы), он все еще лежал в позе бегущего, не сознавая, что лежит».

Кутузка, случайные заработки и масса плохих фильмов: судьба была не особенно благосклонна к Майклу Мэдсену... Он говорит журналисту, что может гордиться всего пятью шестью фильмами: за многое он брался только потому, что нужны были деньги, и чем больше он снимался, тем чаще ему предлагали бросовые роли.

Можно было бы подумать, что он кокетничает. Но для этого он выглядит слишком измотанным; видно, как он старается, чтобы его поняли: «Все это происходит так быстро. И вот уже когда речь заходит о хорошем фильме, ты и ногу не можешь просунуть в дверь. Кто ты такой? Халтура

пожирает тебя. Но рано или поздно пересыхает и этот ручеек. Тогда ты становишься просто мертвецом».

Мэдсен рассказывает о тягостном судебном процессе, связанном с

Года два назад он позвонил Тарантино. Не попросить роль, а просто выяснить, может ли он поставить к тому в гараж свой пятидесятилетний «Шевроле». Нет проблем, отве-

Его родители (отец — пожарный, мать — сценаристка) разошлись, когда ему было девять, он часто менял школы, болтался без дела, начал красть. Когда ему было три-

Догонит ли бегущий человек зайца? А догнал ли в конце концов черепаху Ахиллес?

его родительскими правами, о том, во что обходятся услуги адвокатов. Он признается, что почти беспробудно пил и с трудом брал себя в руки только ради своих детей. Можно было бы заподозрить в нем жалость к самому себе, но мешает этому его резкий голос, превращающий в салун гостиничные апартаменты, где он дает интервью.

Он говорит, что уже собирался было бросить профессию. Стать столяром или открыть кузовную мастерскую. («Что-нибудь попроще».) Все что угодно, только не быть больше актером без надежды. Говорит, что его спас Тарантино. И что «Убить Билла» относится к числу пяти фильмов, которыми он гордится.

Тарантино открыл его еще до «Убить Билла». Сделал из него мистера Белого, которого не забыл никто из видевших «Бешеных псов», хотя фильму уже больше десяти лет. Мистера Белого, отрезающего у заехавшего полицейского ухо, — мимоходом, пританцовывая. Он просто получает от этого удовольствие, а потом закуривает сигарету так небрежно, как это мог делать только Хамфри Богарт. После этого Мэдсен должен быть играть в «Бульварном чтиве». Но он застрял у Кевина Кестнера на съемках какого-то вестерна — фильма, который он также охотно забыл бы.

тил режиссер. Мэдсен получил ключ от гаража и провел много дней под машиной. И — на кухне с Тарантино. Стол и пол были покрыты листами бумаги: «Убить Билла». Как-то Тарантино спросил, не сыграл бы Майкл брата Билла, Бадда. Мэдсен немедленно ответил согласием. «Я принял бы участие в фильме даже в качестве статиста».

В первой части он почти не появлялся, зато теперь, когда мы увидели «Убить Билла, том 2», никто не спросит, кто такой этот Мэдсен. Бадд ютится в жилом вагончике в пустыне, он убирает туалеты в жалком стрип-баре. Его и оттуда вышвыривают, он уже ничего не ждет от жизни, кроме пива в холодильнике. И все-таки он знает, где правда. Когда он узнает, что экс-подруга Билла (Ума Турман) готовится убить его, он признает: «Она заслужила свою месть. И мы заслуживаем того, чтобы умереть». Потом он склонится к тому, чтобы похоронить ее живьем...

Майкл Мэдсен и в частной жизни выглядит как персонаж Тарантино. Золотые цепочки, крашенные черные волосы, куртка из искусственной кожи поверх желтой лиловой полосатой рубашки. Ему сорок пять, и на вид после «Бешеных псов» он не стал много старше. (Или, напротив, раньше он выглядел более старым, чем был на самом деле?)

надцать, сошелся с женщиной старше его на пятнадцать лет. Он работал заправщиком на бензоколонке, садовником, красил дома, чинил машины и угонял машины. Попал в тюрьму, а потом еще раз. Раньше он этим хвастался, а сегодня говорит: «Я не хочу, чтобы мои сыновья прочли про это и подражали мне». Буйная жизнь позади. Если сегодня он и пьет, то стаканами, а не бутылками. Но, разумеется, дома у него хранится пистолет, и если понадобилось бы, он пустил бы его в ход.

Уже несколько лет он пишет стихи. Скоро выходит его четвертая книга.

Мэдсен пробовал себя в театре (его вдохновила игра Джона Малковича), а затем перебрался из Чикаго в Лос-Анджелес. Первый настоящий успех пришел с ролью Джимми в «Телме и Луизе» Ридли Скотта. Амплуа любовника его привлекает и сегодня. «Но меня таким не видят. То, что ты хороший актер, еще не значит, что Голливуд захочет тебя. У них радары нацелены на Бена Аффлека. Если я им и нужен, то как убийца».

Несмотря ни на что, его задевает, что на голливудском бульваре нет его звезды. «Это было бы прекрасно и для моих сыновей, и для моей карьеры. Даже лягушонок Кермит, долбанная кукла, заработал ее».